

УДК 808.1; 82.08
ББК Ш5(2Рос=Рус)

М.А. Галиева

**ФОЛЬКЛОРНАЯ ТРАДИЦИЯ
В ПОЭТИКЕ
В.В. МАЯКОВСКОГО
И С.А. ЕСЕНИНА.
ВНУТРЕННИЙ ДИАЛОГ:
ПОЭМА «ИНОНИЯ»
И СТИХОТВОРЕНИЕ
«КО ВСЕМУ»**

Статья посвящена изучению фольклорной традиции в поэтике С.А. Есенина и В.В. Маяковского. Большое внимание уделяется истории вопроса. Речь идет о преломлении фольклорной традиции, о ее внутренних формах. Прослеживается связь поэзии с мифом, ритуалом, дожанровыми образованиями. Историческая поэтика позволяет иначе посмотреть на известные тексты Есенина и Маяковского.

Ключевые слова: миф, фольклор, литература, Есенин, Маяковский, архетип.

Галиева Марианна Андреевна – аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
Тел.: +7 (495) 939-26-42, 8-919-777-21-86;
E-mail: ruslitxx@philol.msu.ru,
marianna.galieva@yandex.ru

© Галиева М.А., 2014.

Проблема фольклорной традиции в литературе остается и по сей день одной из труднейших и дискуссионных, так как лежит в области не только литературоведения, но и фольклористики. Говорить о фольклорной традиции в поэтике С.А. Есенина и В.В. Маяковского достаточно не просто, так как оба поэта обращались к мифу, фольклору в его разных преломлениях. Кроме того, проблема фольклоризма творчества Есенина достаточно разработана (начиная со статей Б. Неймана и Н.И. Кравцова [Нейман, Кравцов] до последних исследований Е.А. Самоделовой [Самоделова]), а проблема фольклоризма творчества В.В. Маяковского еще ожидает своего исследователя (хотя существует ряд работ в филологической науке довоенного периода, но они носят фрагментарный характер [Дымшиц, 1936, с. 201 – 214; 1940, с. 125 – 131; Дукор, с. 122 – 143], самой ценной в этом аспекте является статья И.П. Смирнова, однако она посвящена, преимущественно, мифопоэтике [Смирнов]). Если Есенин открыто обращался к фольклору, о чем свидетельствует его интерес к трудам А.Н. Афанасьева, Ф.И. Буслаева, трактат 1918 г. «Ключи Марии», то с Маяковским дело обстоит гораздо сложнее – поэт, на первый взгляд, отвергал архаику, все древнее. Маяковский описывает случай с экзаменом, который чуть не провалил, потому что не мог дать правильное толкование слову «око», этот сюжет из своей жизни поэт после прокомментировал так: «Поэтому возненавидел сразу – все древнее, все церковное и все славянское.

Возможно, что отсюда пошли и мой футуризм, и мой атеизм, и мой интернационализм» [Маяковский, т. 1, с. 12]. Однако оба поэта, видимо, независимо друг от друга обращались к глубинной фольклорной традиции и дожанровым образованиям, как покажет сопоставительный анализ двух произведений – маленькой поэмы Есенина 1918 г. «Инония» и стихотворения Маяковского 1916 г. «Ко всему».

Поэму Есенина «Инония» критики поставили в один ряд с произведениями футуристов, образностью Маяковского, конечно, рассматривая такое сопоставление со знаком минус, обвиняя поэта даже в «подражательстве» Маяковскому [Есенин, т. 2, с. 347 – 348]. Однако теперь, когда появилась возможность избежать социальной и исторической ограниченности, данное сравнение можно употребить иначе при анализе их поэтики. Здесь также стоит отметить, что для Есенина образность (думается, и его сложная метафорика) была связана, прежде всего, с неким культурным кодом, памятью народа: «Имажинизм не формальное учение, а национальное мировоззрение, вытекающее из глубины славянского понимания мертвой и живой природы своей родины», для Есенина имажинизм произрастает через образное зерно первых слов загадки, через пословицу, наконец, идет от «Слова о полку Игореве» и Державина к образу национальной революции [Гостиница, с. 7]. Обращаясь к монографии Я.Э. Голосовкера «Логика мифа», встречаемся с понятием «целокупного образа», которое ученый мыслит как «совокупность таких конкретных образов, представленных в плане одного развивающегося смысла», образов, созданных «в разные времена народом, его поэтами и мыслителями, иногда независимо друг от друга» [Голосовкер, с. 48]. В этой связи возникает закономерный вопрос о наличии такого «целокупного образа» в поэтике С.А. Есенина. Не является ли *орнамент*, вышивка, о которых так подробно написал поэт в «Ключах Марии» частью, составляющей этой картины, где уже хотя бы орнамент, например, логическое звено смысла в сложной образной поэтической системе? Я.Э. Голосовкер также отмечает: «Поражает то обстоятельство, что воображение народа или множества особей, принадлежащих к разным векам, коллективно работает творчески так, что в итоге перед нами возникает законченная картина логического развития смысла целокупного образа – до полного исчерпывания этого смысла» [Голосовкер, с. 49]. И последнее замечание Голосовкера в этом контексте, о котором стоит сказать, об «имагинативном абсолюте», присущем в той или иной мере любому творческому процессу. Исходя из такого теоретического посыла, постараемся выявить *внутренне преломление фольклорной традиции* в поэтике Есенина и Маяковского, а не стилизацию и заимствование, о которых часто пишут исследователи, наконец, разрешить вопрос об отношении поэмы Есенина к творчеству Маяковского.

Есенин и Маяковский внутренним поэтическим чутьем выбирали, согласно архаической традиции, *одинаковых животных-тотемов*, связанных со звездным небом, прорывом от тьмы к свету [Трубецкой, с. 20]. У Есенина в «Инонии»:

Прокопытю тучи, как лось;

*Колесами солнце и месяц
Надену на земную ось.*

[Есенин, т. 2, с.65]

У Маяковского:

Лосем обернусь,

*в провода
впутая голову ветвистую*

[Маяковский, т. 1, с.105]

Уподобление себя животному, причем лосю, связано с *приобретением героем новых знаний*, другого, необычного порядка. Труды В.Я. Проппа, Н.В. Новикова показательны в этом отношении – ученые установили связь между сказочной фольклорной традицией и тотемическими верованиями [Новиков]. Русская сказка «Иван – Медвежье Ушко» генетически связана с животным-тотемом, *медведем* [Бернштам], а в поэтике Есенина (поэма «Пугачев») и Маяковского (поэма «Про это») герой «омедвеживается», уподобляется медведю:

*Вчера человек –
единым махом
клыками свой размедведил вид я!
Косматый.
Шерстью свисает рубаха.*

[Маяковский, т. 4, с.105]

Таким образом, наблюдается трансформация фольклорной традиции, где *животное-тотем* принимает разные формы – лось, медведь, змея и т.п. Отголоски тотемических верований найдем и в русской вышивке. Б.А. Рыбаков описывает русскую вышивку, главным сюжетом которой выступает фигура женщины с лосем [Рыбаков, с. 500 – 502].

Поэма Есенина «Инония» и стихотворение Маяковского «Ко всему» близки не только богоборческой интонацией, но и по своему *внутреннему сюжету* – важно как, *по какой модели* поэты ощущают и выстраивают новый мир, *нового человека*. Внешне можно говорить об отрицании божественного начала, однако это отрицание носит *диалектический характер* – поэт, его герой *перенимает силу мифа*, обращаясь к архаическим пластам культуры, вступает в *агон*, т. е. в борьбу, из которой и вырастает новый культурный герой (агон, как часть космического крушения/созидания, всегда очистительная жертва [Фрейденберг, с. 489]). Обращение и к мифу, и к фольклору позволяет увидеть, во-первых, *небытовую действительность* в произведении, во-вторых, выявить *архетипический смысл текста*, который и у Есенина, и у Маяковского одинаков, следовательно, можно поставить вопрос *о путях трансформации фольклорной традиции в поэзии начала XX в.* Обращение к мифу, возможно даже через фольклор, позволяет поэту прервать «профанную длительность бездуховного времени». Обретение культурным героем *центра мира*, приобщение к сакральным знаниям, по замечанию В.Н. Топорова, отмечается тем, что в этот момент профанная длительность, бездуховное

и безблагодатное время разрывается – «время останавливается и возникает то, что было в начале, в творящий первый раз» [Топоров, с. 11].

Важно то, что в поэтике таких разных, биографически далеких друг от друга поэтов, как Есенин и Маяковский, проявление фольклорной традиции через внутренние формы (*тотемические верования*, формула *небесного ограждения*) является закономерностью. Так, в стихотворении «Ко всему» наблюдается переключки с повестью Вольтера «Белый бык», с сюжетом об обращении в белого быка, причем и у Маяковского не изъята любовная линия:

Ночью вскóчите!
Я звал!
Белым быком возрос над землей:
Муууу!

[Маяковский, т. 1, с. 105]

У Вольтера царь, превратившись в быка, стремится к своей возлюбленной: «**Едва завидев принцессу, он устремился к ней с резвостью молодого арабского жеребца <...> Тем временем белый бык, таща за собой цепочку и старуху, уже подбежал к охваченной удивлением и боязнью принцессе**» [Вольтер, с. 396]. В философской повести совершается этот священный брак Амазиды и Навуходоносора, вопреки всем обстоятельствам, царь обретает сакральные знания и спасение благодаря женщине: «**Данил превратил его из человека в быка, а я из быка сделал богом <...> Да здравствует великий Навуходоносор, царь царей! Он уже не бык!**» [Вольтер, с. 426]. Для чего художникам слова нужно такое обращение? В этом нельзя видеть ни в коем случае просто уподобление животному началу, это *преображение героя* посредством обращения зверем-тотемом, его поглощением, после чего герой получает космические знания:

Вам завещаю я сад фруктовый
моей великой души. [Маяковский, т. 1, с. 106]

И в этой строчке также кроется реминисценция к повести Вольтера – «Кандид, или оптимизм», однако, думается, Маяковский обращался к двум повестям, отсюда такая контаминация в сюжете.

Несмотря на внешнее, грубое отрицание любви, герой Маяковского получает через страдания – «боль и ушиб» – прозрение другого, *иного бытия*, что особенно станет заметным в его позднем творчестве, в поэме «150000000», которая, казалось бы, совсем не про это:

Голодая и ноя,
города расступаются,
и над пылью проспектовой
солнцем встает бытие иное. [Маяковский, т. 2, с. 160]

В поэме герой представлен *человеком-конем*, человеком, уподобленным рыбе. В русском, в грузинском фольклоре (возможно, здесь

срабатывает «биографический момент») известно поглощение рыбой-тотемом, поклонение Матери рыб, которая приобщает героя к знаниям предков [Вирсаладзе, с. 35]. Возвращаясь к поэме Есенина «Инония», наблюдаем похожий сюжет:

*Просверлив все преграды глыб.
И заря, опуская веки,
Будет звездных ловить в них рыб* [Есенин, т. 2, с. 67]

Кроме того, совмещение всех этих образов со *звездным небом*, солнцем, луной наводит на мысль о формуле «космического ограждения» в поэтике Есенина, которую мы найдем в фольклоре, в поэтике заговоров и заклинаний. Мотив небесного ограждения, или железного тына, может означать «одевание светилами» («читающий заговор не только окружает себя тыномъ, но еще одѣвается небомъ, покрывается облаками, подпоясывается ясными зорями, обсаживается частыми звѣздами и т. д.» [Познанский, с. 254]). Таким образом происходит также перенимание сакральных знаний от природы:

*Я главу свою власозвездную
Просуну, как солнечный блеск.* [Есенин, т. 2, с. 64]

Маяковский «духовно» угадал существо поэзии Есенина и, думается, самого поэта, когда написал о нем – «летите, в звезды врезываясь» (стихотворение «Сергею Есенину») [Маяковский, т. 7, с.100]. За «балагурством», «маской денди», хулигана, которую зачастую пытаются «надеть» на Есенина исследователи, кроется внутреннее поэтическое прозрение – поэзия через быт и универсум, о чём Есенин писал в статье «Быт и искусство», заставляя обращать внимание своих коллег по цеху на разные формы искусства, на архаическую глубину. Маяковский также мыслил поэзию в некотором роде через быт, описывая, как рождается стих, в эссе «Как делать стихи»: «Я хожу, размахивая руками и мыча еще почти без слов, то укорачивая шаг, чтоб не мешать мычанию, то помывчиваю быстрее в такт шагам. Так обстругивается и *оформляется ритм – основа всякой поэтической вещи, проходящая через нее гулом*. Постепенно из этого гула начинаешь *вытискивать отдельные слова*» [Маяковский, т. 7, с.100]. Итак, анализ поэтики Маяковского и Есенина показал, что оба поэта чувствовали необходимость обращения к мифу, ритуалу, фольклору, потребность в «органическом мышлении», видении поэзии.

Литература

Бернштам Т.А. Появление на свет. Иван – Медвежье Ушко // *Бернштам Т.А.* Герой и его женщины: образы предков в мифологии восточных славян. СПб.: МАЭ РАН, 2011.

Вирсаладзе Е.Б. Народные традиции охоты в Грузии // *Вирсаладзе Е.Б.* Грузинский охотничий миф и поэзия. М.: Наука, 1976.

- Вольтер*. Белый Бык // *Вольтер*. Философские повести / пер. с фр. Ю. Стефанова. М.: Худож. лит., 1978.
- Голосовкер Я.Э.* Логика образа в эллинском мифе. Движение мифологического образа // *Голосовкер Я.Э.* Логика мифа. М.: Наука, 1987. С. 48.
- «Гостиница для путешественников в прекрасном». М., 1922. № 1. С. 7.
- Дукор И.* Маяковский – крестьянам // *Литературный критик*. 1940. № 5-6.
- Дымшиц А.* Маяковский и народное творчество // *Красная новь*. 1936. № 4.
- Дымшиц А.* Маяковский и фольклор // *Литературный современник*. 1940. № 3.
- Есенин С.А.* Полн. собр. соч.: в 7 т. М.: Наука; Голос, 1997.
- Кравцов Н.* Есенин и народное творчество // *Художественный фольклор*. 1929. Вып. IV–V.
- Маяковский В. В.* Полн. собр. соч.: в 13 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1955–1961.
- Нейман Б.* Источники эйдологии Есенина // *Художественный фольклор*. 1929. Вып. IV–V.
- Новиков Н.В.* Образы восточнославянской волшебной сказки. Л.: Наука, 1974.
- Познанский Н.* Заговоры. Опыт исследования происхождения и развития заговорных формул. М.: Индрик, 1995.
- Рыбаков Б.А.* Русские вышивки и мифология // *Рыбаков Б.А.* Язычество древних славян. М.: Академический проект, 2013. С. 500 – 502.
- Самодолова Е.А.* Гастрономическая поэтика С.А. Есенина: круг понятий и специфика творческой лаборатории // *Биография и творчество Сергея Есенина в энциклопедическом формате: сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч. конф., посвященной 116-летию со дня рождения С.А. Есенина*. Москва – Рязань – Константиново, 2012. С. 194 – 195.
- Смирнов И.П.* Место «мифопоэтического» подхода к литературному произведению среди других толкований текста (о стихотворении Маяковского «Вот так я сделался собакой») // *Миф – фольклор – литература*. Л.: Наука, 1978.
- Топоров В.Н.* О ритуале. Введение в проблематику // *Топоров В.Н.* Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М.: Наука, 1988.
- Трубецкой Е.Н.* «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке. М.: Тип. Боровинско-Волдайского Кустарного и Сельско-Хозяйств. Союзного Т-ва., 1922.
- Фрейдсберг О.М.* Миф и литература древности. Екатеринбург: У-Фактория, 2008.

References

- Bernshtam T.A.* Poyavlenie na svet. Ivan – Medvezh'e Ushko // *Bernshtam T.A.* Geroy i ego zhenshchiny: obrazy predkov v mifologii vostochnykh slavyan. SPb.: MAE RAN, 2011.
- Freidenberg O.M.* Mif i literatura drevnosti. Ekaterinburg: U-Faktoriya, 2008.
- Golosovker Ya.E.* Logika obraza v ellinskom mife. Dvizhenie mifologicheskogo obraza // *Golosovker Ya.E.* Logika mifa. M.: Nauka, 1987.
- Dukor I.* Mayakovskii – krest'yanam // *Literaturnyi kritik*. 1940. № 5-6.
- Dymshits A.* Mayakovskii i narodnoe tvorchestvo // *Krasnaya nov'*. 1936. № 4.
- Dymshits A.* Mayakovskii i fol'klor // *Literaturnyi sovremennik*. 1940. № 3.
- Esenin S.A.* Poln. sobr. soch.: V 7 t. M.: Nauka: Golos, 1997.

- Gostinitsa dlya puteshestvuyushchikh v prekrasnom. M., 1922. № 1.
Kravtsov N. Esenin i narodnoe tvorchestvo // Khudozhestvennyi fol'klor. 1929, Vyp. IV–V.
Mayakovskii V. V. Polnoe sobranie sochinenii: V 13 t. / AN SSSR. In-t mirovoi lit. im. A. M. Gor'kogo. M.: Gos. izd-vo khud. lit., 1955–1961.
Neiman B. Istochniki eidologii Esenina // Khudozhestvennyi fol'klor. 1929, Vyp. IV–V.
Novikov N.V. Obrazy vostochnoslavyanskoi volshebnoi skazki. L.: Nauka, 1974.
Poznanskii N. Zagovory. Opyt issledovaniya proiskhozhdeniya i razvitiya zagovornyykh formul. M.: Indrik, 1995.
Rybakov B.A. Russkie vyshivki i mifologiya // *Rybakov B.A.* Yazychestvo drevnikh slavyan. M.: Akademicheskii Proekt, 2013.
Samodelova E.A. Gastronomicheskaya poetika S.A. Esenina: krug ponyatii i spetsifika tvorcheskoi laboratorii // Biografiya i tvorchestvo Sergeya Esenina v entsiklopedicheskom formate: sb. nauch. tr. po materialam Mezhdunar. nauch. konf., posvyashchennoi 116-letiyu so dnya rozhdeniya S.A. Esenina. Moskva – Ryazan' – Konstantinovo, 2012.
Smirnov I.P. Mesto «mifopoeticheskogo» podkhoda k literaturnomu proizvedeniyu sredi drugikh tolkovanii teksta (o stikhotvorenii Mayakovskogo «Vot tak ya sdelalsya sobakoi») // Mif – fol'klor – literatura. L.: Nauka, 1978.
Toporov V.N. O rituale. Vvedenie v problematiku // *Toporov V.N.* Arkhaicheskii ritual v fol'klornyykh i ranneliteraturnyykh pamyatnikakh. M.: Nauka, 1988.
Trubetskoi E.N. «Inoe tsarstvo» i ego iskateli v russkoi narodnoi skazke. M.: Tip. Borovinsko-Voldaiskogo Kustarnogo i Sel'sko-Khozyaistv. Soyuznogo T-va., 1922.
Virsaladze E.B. Narodnye traditsii okhoty v Gruzii // *Virsaladze E.B.* Gruzinskii okhotnichii mif i poeziya. M.: Nauka, 1976.
Vol'ter. Belyi Byk // *Vol'ter.* Filosofskie povesti / Per. s fr. Yu. Stefanova. M.: Khudozh. lit, 1978.

Galieva M.A. (Moscow, Russian Federation)

Folk traditions in poetics by V.V. Mayakovsky and S.A. Esenin. Internal dialogue: the poem “Inon” and the poem “To All”

The article examines the folklore tradition in poetics by S.A. Esenia and V.V. Mayakovsky. Special attention is paid to the history of the issue. Folklorism of Esenin is sufficiently studied, but researchers mainly pay attention to its external manifestation. Question of the various forms of folk traditions in the literature has been put by D.N. Medrish and A. Gorelov, according to the basis of their theoretical development of the internal forms of folklorism in the poetics of the writer, we analyze texts by Esenin and Mayakovsky. Folklorism by Mayakovsky has been hardly studied, there are only valuable comments in articles by I.P. Smirnov concerning mythopoetics. In our work, we consider the breaking of the folk tradition, its inner form. The connection with the poetry of myth, ritual, pregenre formations. Appeal to fabulous tradition, totemic beliefs, Russian embroidery demonstrate the archetypal and not typical in poetry of the early XX century. Proceedings of the V.J. Propp, N.V. Novikov, B.A. Rybakov are evident in this respect.

Researchers have studied the relationship of folklore pregenre formations. The study of folk traditions in the poetics of the author's statement comes from these positions. It is involved the historical-typological method. Historical poetics allows to look at another famous texts by Esenin and Mayakovsky.

Key words: *myth, folklore, literature, Esenin, Mayakovsky, archetype.*

Galieva Marianna Andreevna – post-graduate student of the history of the newest Russian literature and modern literature process dpt. Moscow state university of M.V. Lomonosov.

Phone: +7 (495) 939-26-42; E-mail: ruslitxx@philol.msu.ru.